

Шляков Алексей Владимирович

кандидат социологических наук,
доцент кафедры гуманитарных наук
Тюменского государственного
нефтегазового университета

НОМАДИЧЕСКАЯ ТОПОЛОГИЯ ПОСТМОДЕРНА

Аннотация:

В статье представлено исследование новой модели пространства, предложенной Ж. Делёзом и Ф. Гваттари для описания среды обитания номадического субъекта – ризомы. Описываются основные характеристики ризомы, позволяющие отличить ее от рифленого пространства оседлых, а также выявляются принципы взаимодействия гладкого и рифленого пространств. Осуществляется выявление в социальном пространстве Города мест, которые являются воплощением гладкого ризомного пространства, осваиваемого номадами постмодерна.

Ключевые слова:

постмодерн, пространство, рифленое пространство, гладкое пространство, ризома, место, номад.

Shlyakov Alexey Vladimirovich

PhD of Social Science,
Assistant Professor,
Department for the Humanities,
Tyumen State Oil and Gas University

THE NOMADIC TOPOLOGY OF POSTMODERNITY

Summary:

The article deals with a new model of space, which was offered by G. Deleuze and F. Guattari for describing a habitat of a nomadic subject – rhizome. The author describes the main features of the rhizome allowing distinguishing it from the vertical linear space of settled people. The principles of interaction between vertical and horizontal spaces are also considered. The author identifies places representing horizontal rhizome space developed by postmodern nomads in the social space of a City.

Keywords:

postmodernity, space, vertical linear space, horizontal space, rhizome, place, nomad.

Сегодня, в XXI в., самые невероятные прогнозы футурологов прошлого постепенно становятся реальностью. Если З. Бауман характеризовал эпоху модерна как «текущую современность» [1], используя для ее описания гидравлическую модель со свойственными ей волнами турбулентности, то для описания постмодерна более подходит модель газообразного хаоса. «Мир утратил свой стержень. Субъект не может больше создавать дихотомии. Он достиг единства амбивалентностей и сверхдетерминации. Мир стал хаосом» [2, с. 11]. В таких условиях изменяется не только картина мира, но и атрибутивность самого бытия. Постсовременный человек пребывает в постоянном движении, превращаясь в номада (кочевника). Новая топология, изложенная в номадическом проекте Ж. Делёза и Ф. Гваттари, предлагает отказаться от восприятия пространства как устойчивой формы координации материальных объектов, так как само движение в состоянии постмодерна качественно меняется, утрачивая начальную и конечную точки покоя.

Для описания пространства номадического движения в состоянии постмодерна Ж. Делёз предлагает систему, называемую ризомой. Эта система представляет собой пространство, которое можно эксплуатировать, только перемещаясь по нему, рассеиваясь, скользя по поверхности плоскостей, отношений, смыслов. Ризома возникает как оппозиция корневому рассмотрению пространства с его структурностью и вертикальностью. Она основана на пяти принципах: 1) соединения; 2) неоднородностей; 3) множественности; 4) а-означающего разрыва; 5) картографии и калькирования [3].

Любая точка ризомы может присоединяться к другой независимо от способов кодирования этих точек. Ризома представляет собой множество, которое и определяет внешние линии детерриторизации. Ризома может быть разрушена в любом месте, но она возобновляется, следуя той или иной линии сборки. Как оса, подлетая к орхидее, детерриторизируется, становясь элементом органов ее репродукции, так и орхидея детерриторизируется, теряя часть пыльцы, которую уносит оса [4].

В ризоме нет никакой оси, структурности, так как структурность лишь воспроизводит, калькирует то, что дано готовым, а ризома – это карта, в которой множества конструируют нечто новое. Ризома открыта, готова к любому демонтажу и модификации, разрыву и перевороту. Не замыкаясь на идее оси, ризома способна преодолевать любые фатальности: исторические, экономические, наследственные и структурные. Поэтому в состоянии постмодерна правильным будет переносить кальку на карту, а не наоборот, так как калька нейтрализует множественность по своим осям означивания и субъективации и не производит ничего, кроме самой себя. Страх нарушить табу структурности делает невозможным существование многовариантности смыслов. В процессе же переноса кальки на карту конструируются линии ускользания, которые создают

дополнительные возможности рождения новых смыслов. По мнению Ж. Делёза и мозг не является древовидной структурой, так как в акте рефлексии мысли струятся, перескакивая с одной множественности на другую. Они могут не зависеть от закона смежности с объектом, устанавливая с ним дистанцию и теряясь: «Память включает в себя забвение как процесс. Она смешивается с коллективной темпоральностью и нервной ризомой» [5].

В состоянии постмодерна в процессе номадического блуждания ризома представляет собой ацентрированную сеть, где коммуницирование осуществляется от субъекта к «кому-то еще», заранее неизвестному, ибо каналы недетерминированы, а индивиды взаимозаменяемы. Сегодняшнее размещение в социальных сетях того или иного сообщения не имеет конкретного адресата, оно предназначено «кому-нибудь», который, откликнувшись, тут же уступает место другому. Сетевой поток интенсивностей заменяет собой структурную топологию. При ризоме локальные импульсы-желания возникают независимо от центра и исчисляются во множественности целиком. Ризома не имеет ни начала, ни конца, она представляет собой «меж-бытие». Если древовидность корня преемственна и подчинена традиции с ее единственно возможным состоянием – «быть», то ризома – это свободный союз, допускающий наличие бесконечного ряда конъюнкций «и то, и другое, и третье, и...», избавляющий субъекта от единственно данной идентификации [6]. Отсюда и характерный для ризомы способ движения – номадическое мельтешение, скольжение, возникающее (затухающее) в любой точке пространства. Ризомное пространство позволяет постмодерну реализовывать свою онтологическую задачу: изгнать из бытия само бытие.

Ризома формирует гладкое пространство существования номада, в противоположность корневому рифленому пространству линий и углов оседлого. Природа гладкого и рифленого пространства различна, однако существование этих пространств возможно лишь в акте переплетения друг с другом.

Рифленое пространство конструируется двумя парами элементов: вертикальным и горизонтальным, один из которых подвижный, а другой фиксированный. Оно обязательно ограничено пределами основы и имеет внешнюю (лицевую) и внутреннюю (изнаночную) стороны. Гладкие пространства образуются совокупностью неоднородных переплетений, у которых отсутствуют внешние и внутренние стороны (примером может служить комок шерсти, войлока). В рифленом пространстве линии подчинены точкам, а в гладком точки подчинены траекториям движения. Точка Дома в гладком пространстве определяется кочеванием, вектором, который является не измерением, а направлением.

Рифленое пространство заполняется вещами, тогда как гладкое пространство содержит события, наполненные интенсивностями осязательных и звуковых качеств. Рифленое пространство расчерчивается, а по ризомному гладкому пространству распределяется. Ни одно из этих пространств не существует абсолютно обособленно, они, перемешиваясь, переходят друг в друга. Можно жить, расчерчивая пустыню, а можно скользить, рассеивая себя по городу. В таком номадическом скольжении (порой даже не сходя с места) в границах рифленого города пребывают многие современные субкультуры. Подлинный номад не движется. Он потому кочевник, что не движется, не мигрирует, удерживая гладкое пространство. «Номадизм характеризуется не качеством мест и не количеством движения, а способом опространствования, способом бытия для пространства» [7, с. 819].

Таким образом, в постмодерне возникает новая топология, оппозиционная традиционной и модернистской картина мира. Социальное воплощение ризомного пространства можно обнаружить в локусах современных городов-мегаполисов. З. Бауман обнаружил в Городе, как месте обитания современных номадов, три формы реализации ризомы: «пожирающие места» (места потребления), «извергающие места» («неместа») и «пустые пространства». Так как Город – это место, где могут встречаться незнакомцы, то эти встречи представляют собой событие одноразового пересечения, без гарантий повторения. Для наиболее безболезненного проживания этого события созданы места потребления («пожирающие места»). В этом пространстве поощряется действие, но не взаимодействие, ибо коммуницирование людей мешает их индивидуальной деятельности не только по потреблению товара, но и по проживанию ощущений времяпрепровождения [8]. Ризомный топос «пожирающих мест» избавлен от опасностей повседневности и гарантирует стерильность и свободу без риска. Место потребления гарантирует безопасное скольжение по поверхности без начального и конечного пунктов. «Неместа» – это такая форма ризомного пространства Города, в которую допускаются «чужие», но минимизируются их социально-индивидуальные черты. В «неместах» можно существовать, только исполняя обязательные паттерны поведения. «Неместо» – это пространство, лишённое символического выражения идентичности, отношения к истории. Это аэропорты, автострады, общественный транспорт, станции метро [9, с. 112]. Эти пространства позволяют чувствовать себя «как дома», но запрещают вести себя «как дома».

«Пустые пространства» представляют собой места, которым не приписано значение, они пусты, так как невидимы и не предполагают придания им смысла [10]. Это неосвоенные места, которые не нанесены на человеческую ментальную карту из-за их неприятного, оскорбительного для восприятия вида. Однако такие места («пустые пространства») являются необходимым компонентом городского картографирования, ибо их исключение из сознательного восприятия позволяет другим местам казаться наполненным смыслом.

Таким образом, общество постмодерна не только в гуманитарном дискурсе, но и в социальном пространстве Города воплощает новую топологию, ориентированную на движение субъектов номадов (кочевников): гладкое ризомное пространство, которое определяет картину мира постчеловека.

Ссылки:

1. Бауман З. Текущая современность. СПб., 2008. 240 с.
2. Делёз Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения. М., 2010. 895 с.
3. Там же. С. 17–28.
4. Там же. С. 17.
5. Там же. С. 28.
6. Делёз Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург, 2007. 672 с.
7. Делёз Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато ... С. 819.
8. Бауман З. Указ. соч. С. 106.
9. Там же. С. 112.
10. Делёз Ж. Логика смысла. М., 2011. 472 с.

References:

1. Bauman, Z 2008, *The fluid present*, SPb., p. 240.
2. Deleuze, G & Guattari, F 2010, *A Thousand Plateaus: Capitalism and Schizophrenia*, Moscow, p. 895.
3. Deleuze, G & Guattari, F 2010, *A Thousand Plateaus: Capitalism and Schizophrenia*, Moscow, p. 17-28.
4. Deleuze, G & Guattari, F 2010, *A Thousand Plateaus: Capitalism and Schizophrenia*, Moscow, p. 17.
5. Deleuze, G & Guattari, F 2010, *A Thousand Plateaus: Capitalism and Schizophrenia*, Moscow, p. 28.
6. Deleuze, G & Guattari's, F 2007, *Anti-Oedipus: Capitalism and Schizophrenia*, Ekaterinburg, p. 672.
7. Deleuze, G & Guattari, F 2010, *A Thousand Plateaus: Capitalism and Schizophrenia*, Moscow, p. 819.
8. Bauman, Z 2008, *The fluid present*, SPb., p. 106.
9. Bauman, Z 2008, *The fluid present*, SPb., p. 112.
10. Deleuze, G 2011, *Logic of Sense*, Moscow, p. 472.